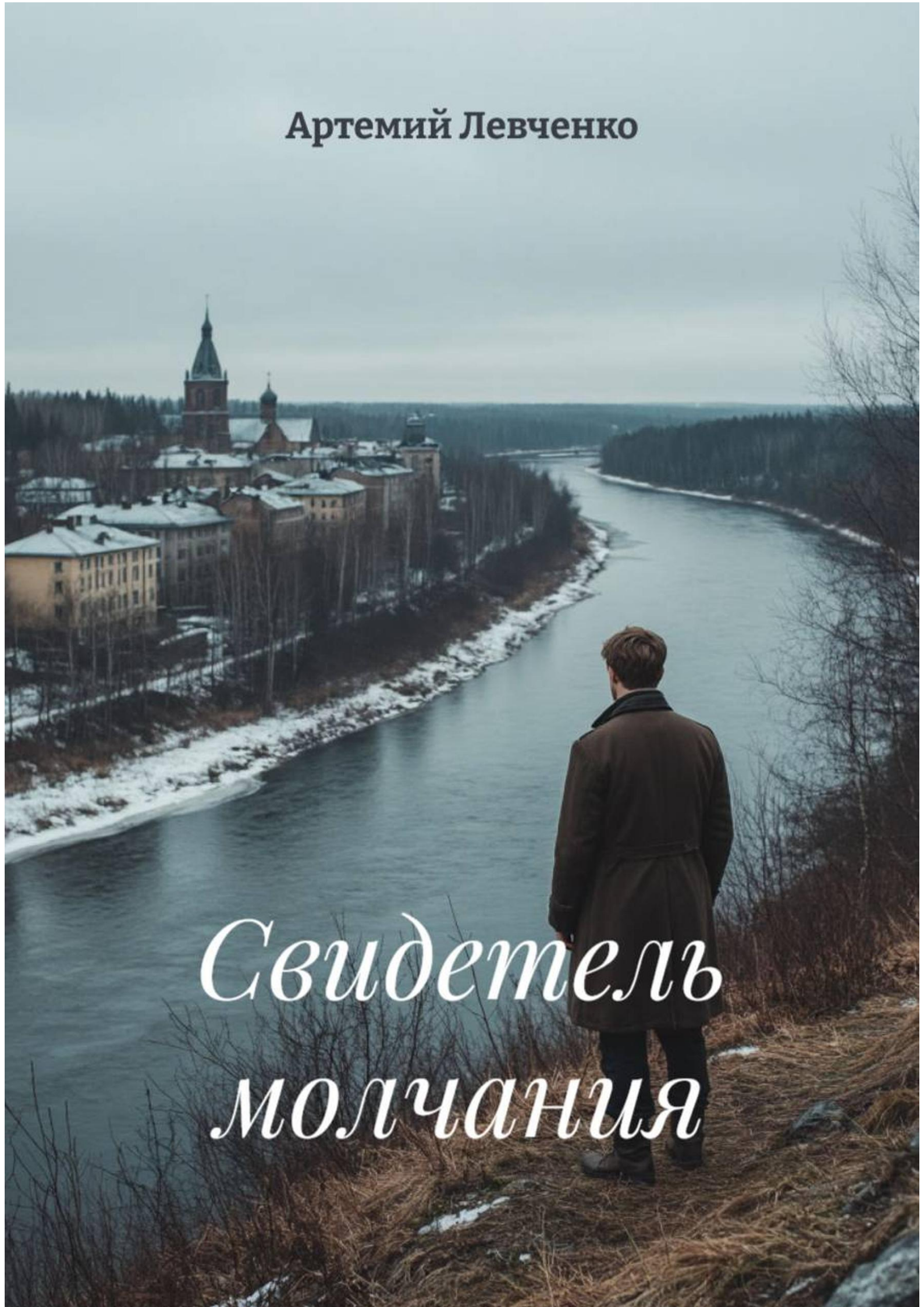

Артемий Левченко

*Свидетель
МОЛЧАНИЯ*

Артемий Левченко
Свидетель молчания

«Автор»

2026

Левченко А.

Свидетель молчания / А. Левченко — «Автор», 2026

Конец XIX века. Суровый северный город Вересеньск, зажатый между бескрайней тайгой и холодной, неукротимой рекой. Здесь правда и ложь переплетаются, как корни вековых сосен, а молчание порой весит больше, чем крик. Молодой идеалист Степан Озеров, верящий в силу разума и чести, начинает свой путь учителя, желая исправить мир. Его принципы кажутся незыблемыми, как северный камень. Но случайно обнаруженная тайна рушит всё. Человек, олицетворяющий для Степана прогресс и благотворительность, оказывается замешан в старом преступлении. А его жертва — невинный человек — живёт в тени, храня свою правду. Его выбор — не между чёрным и белым, а между двумя видами правды. «Свидетель молчания» — это психологическая драма о взрослении души, разбивающейся о первую настоящую дилемму. Это история о поиске собственного пути в мире, где компас нравственности даёт сбой, а берег истины скрыт туманом. О том, какой след оставляет в человеке молчание — и что на самом деле значит найти в себе силы его прервать.

© Левченко А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ледоход	5
Глава 2. Прием и подношение	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Артемий Левченко

Свидетель молчания

Глава 1. Ледоход

Студеница вскрылась накануне, под напором талой воды, пришедшей с верховий. Еще вчера река была монолитным, грязно-белым полем, утыканным щепками и конским навозом, оставленным за зиму. А теперь она была живым, ревушим чудовищем. Лдины, величиной с избу, с грохотом, похожим на артиллерийскую канонаду, наползали друг на друга, вставляли на дыбы и с оглушительным скрежетом обрушивались вниз, разбиваясь на тысячи острых осколков. Воздух был влажен и свеж, пах ледяной водой, хвоей и далеким, едва уловимым запахом гниющих прошлогодних трав.

Степан Озеров стоял на высоком, подмытом берегу, кутаясь в поношенное, но аккуратное драповое пальто. В кармане его жилетки лежал стальной карманный компас – тяжелый, холодный, знакомый до каждой царапинки. Отец вручил его в день отъезда в семинарию. «Чтобы не сбился, Степа. Две дороги: одна – удобная, другая – своя. Стрелка всегда покажет север, если не дашь ей засориться».

Север сейчас был там, за рекой, в сизой дымке бесконечного леса. Туда, в глушь, уходили дела отца-земца, и оттуда же он вернулся два года назад в заколоченном ящике, подхватив тиф в глухой деревеньке, куда не дошел вовремя казенный врач. Удобная дорога была – остаться в губернском городе, искать место писаря или репетитора. Своя – вот она: Вересеньское уездное училище, двадцать пять рублей жалованья в месяц и комната при школе, еще пахнувшая стружкой и известью.

Он повернулся спиной к реке и посмотрел на город. Вересеньск раскинулся по пологому склону: деревянные двухэтажные дома с резными наличниками, покосившиеся заборы, купола двух церквей – белой каменной и старой деревянной, почерневшей от времени. От него пахло дымом, сеном и спокойной, вековой укорененностью. Город, который надо было просвещать. Мир, который надо было исправлять. Сердце Степана сжалось от знакомого, сладкого и колющего чувства – смеси долга, надежды и страха. Страх оказаться не на высоте. Не так силен, не так умен, не так полезен, как отец. И в итоге – так же беден и так же забыт.

Мать ждала его в небольшом, чистом домике на Озёрной улице. Елена Петровна постарела за эти два года резко, будто жизнь, забрав мужа, потянула за собой и часть её собственного существа. Но глаза, серые и ясные, как у Степана, светились неподдельной радостью.

– Устроился? Комната хороша? Печь топят?

– Устроился, мама. Комната сухая. Истопник Осип обещал протопить к вечеру.

Она кивнула, хлопоча над самоваром. Её движения были экономны и точны.

– Попечитель, Аркадий Леонтьевич Вершин, сам заходил вчера. Спрашивал, когда ты приедешь. Говорит, новому учителю истории нужно особое внимание. Обещал зайти в училище.

Имя Вершина в Вересеньске произносили с почтительным придыханием. Купец, меценат, строитель. Он жертвовал на школу, на больницу, на мостовую. Степан видел его однажды, мельком, на похоронах отца: широкое, гладкое лицо, тщательно подстриженная бородка, дорогое, но не кричащее пальто. Он тогда сказал Елене Петровне несколько искренне-соболезну-

ющих слов и вручил конверт. Внутри было пятьдесят рублей – сумма по тем временам для вдовы огромная.

– Отец бы одобрил, – сказала мать, будто угадывая его мысли. Она поставила перед ним чашку. – Он всегда говорил: «Ленка, правда, как хребет. Пока он прямой – человек стоит». Ты на него всё больше похож становишься.

«А где этот прямой хребет был, когда ты умер, оставив нас без гроша?» – едкая, гадкая мысль промелькнула у Степана, и ему тут же стало стыдно. Он потянулся к карману, нащупал холодный металл компаса. Отец одобрил бы. Надо верить.

На следующий день начались занятия. Училище было старым, одноэтажным, но крепким зданием. В классах пахло мелом, мокрым валенком и мышами. Директор, Федор Игнатьевич Потапов, человек с лицом уставшей рыбы, провел его по коридору.

– Место ваше тут, Озеров. История, география, чистописание в младших классах. Программа утверждена, отступать не моги. Главное – порядок и благонравие. У нас дети из хороших семей. – Он окинул Степана с головы до ног оценивающим взглядом. – Вы... как отец. Идеалист. Здесь это лишнее. Здесь нужна твердость.

Первый урок в старшем классе прошел в напряженной тишине. Двадцать пар глаз изучали нового учителя. Степан говорил о Петре Великом, о прорубании окна в Европу, о прогрессе и жертвах, которых он требует. Голос звучал чуть напряженно, но он старался. Один из учеников, долговязый парень с насмешливым прищуром, спросил:

– А правда, что прогресс всегда на крови стоит? И что, выходит, кровь эта – всегда чужая? В классе засмеялись. Степан почувствовал, как краснеет.

– Нет. Он стоит на долге. Долге сильных перед слабыми, – сказал он, и услышал в собственных словах наивный, учебниковый пафос. Ученик усмехнулся и отвернулся.

После уроков, пока в школе стихали последние голоса, Степан зашел в крошечную учительскую библиотеку – запертый шкаф в углу коридора. Ключ доверили ему. Нужно было найти карты для следующего урока. Воздух был спертый, пах пылью и кислой бумагой. На верхней полке, сваленные в беспорядке, лежали подшивки старых «Губернских ведомостей». Он потянулся за атласом и задел пачку. Газеты посыпались на пол, рассыпая желтые, хрупкие листы.

Кряхтя, он стал собирать их. Взгляд скользнул по заголовкам. «Открытие новой паровой пристани»... «Пожар в купеческих рядах»... «О беспорядках среди учащихся»... И вдруг – «Судебное разбирательство по делу о хищении казенных средств на строительстве моста через Студеницу. Обвиняемый – мещанин Григорий Светлояр».

Степан на мгновение задержался взглядом. Мост через Студеницу? Тот самый, новый, железный, гордость Вересеньска? Его достраивали уже при Вершине. Он пожал плечами. Какая-то старая история. Наверняка какой-то подрядчик обманул. Он аккуратно сложил пожелтевшие листы, сунул их обратно на полку и захлопнул дверцу шкафа. Звук захлопывающегося замка прозвучал гулко в пустом коридоре.

Вечером он сидел в своей комнате, прислушиваясь к тому, как снаружи, в темноте, гулко и угрожающе постанывает река, ломая последние льдины. Он вытащил компас, положил на стол. Стрелка, подрагивая, уверенно указывала на север. На свою дорогу. Он открыл журнал для записи уроков, взял перо.

«Урок первый. Класс старший. Тема: «Реформы Петра I и их значение». Вывод: прогресс требует жертв, но оправдывает ли цель средства? Вопрос остался открытым».

Он обмакнул перо в чернильницу и поставил точку. За окном, над ревушей Студеницей, сгущалась холодная, звездная тьма.

Глава 2. Прием и подношение

Дождь начался на третий день. Не легкий весенний дождичек, а густой, упругий, сеящийся с неба сплошной серой пеленой. Он стирал границы между рекой, небом и землей, превращал улочки Вересеньска в липкие потоки коричневой жижи. Степанина комната, казавшаяся сначала уютной, теперь была наполнена сырым холодом, пробирившим под пальто. Истопник Осип, хмурый детина с обмороженными щеками, только отмахнулся: «Дрова сырые, барин-учитель. Весна. Потерпите до сухмени».

В училище пахло теперь не только мелом и валенком, но и влажной шерстью и прелыми портянками. Дети шумно снимали в прихожей громоздкие калоши, старшеклассники курили в уборной, и едкий дым махорки висел в коридорах, смешиваясь с запахом капусты из квартиры сторожа.

На педсовете, который собрал Потапов, обсуждали «чрезвычайный случай»: ученик четвертого класса украл у одноклассника гривенник на баранки. Директор, пухлыми влажными пальцами постукивая по столу, вещал о падении нравов и необходимости телесных наказаний.

– В мое время, господа, за такое пороли розгами при всем собрании. И дух был крепче, и знания тверже!

Степан сидел, сжавшись, чувствуя, как кровь приливает к лицу. Он помнил себя в том возрасте: страх, стыд, унижение. Отец никогда не поднимал на него руку.

– Федор Игнатьевич, – тихо, но четко проговорил он. Все взгляды повернулись к нему. – Может, стоит разобраться, зачем он взял деньги? Может, дома...

– Дома его отец – горький пьяница, а мать прачкой моется! – отрезал учитель арифметики, Грудинин, человек с вечно насморканным носом и выражением глубокого отвращения ко всему живому. – Яблоко от яблони. Разврат надо выжигать каленым железом. Истина, Аркадий Леонтьевич?

Все взгляды перенеслись на человека, сидевшего справа от Потапова. Аркадий Леонтьевич Вершин вошел в учительскую бесшумно, уже после начала. Он снял мокрое пальто и аккуратно повесил его на спинку стула, подложив под него газету. Теперь он сидел, положив на стол широкие, ухоженные ладони. На мизинце левой руки – скромный перстень с темным камнем. Лицо было спокойным, внимательным.

– Железо, Николай Семенович, – мягко произнес Вершин, – инструмент грубый. Им можно выжечь язву, а можно и здоровое тело искалечить. Мальчишка голоден? Надо накормить. Унижен? Дать почувствовать себя человеком. – Он повернул голову к Степану, и в его серых, пронзительных глазах мелькнуло что-то вроде одобрения. – Я, кажется, слышал здравую мысль. Учитель Озеров предлагает не карать, а понять. По-христиански. Не так ли?

Степан почувствовал прилив теплой, смущающей благодарности. Он кивнул.

– Совершенно верно, Аркадий Леонтьевич. Наказание без понимания – это жестокость. Вершин одобрительно кивнул, затем его взгляд стал деловым.

– Я, как попечитель, выделю небольшую сумму на дополнительное питание для детей из самых бедных семей. Но дисциплина, Федор Игнатьевич, конечно, необходима. Пусть мальчик отработает гривенник: поможет сторожу дров наколоть, классы вымыть. И труд облагораживает. И справедливость соблюдена.

Решение было встречено общим одобрительным гулом. Грудинин фыркнул, но смолк. Потапов, польщенный, что Вершин обратился к нему по имени-отчеству, закивал. Степан сидел, пораженный. Вот она – мудрость! Не слепое следование правилам и не бездушная жестокость, а гибкая, практическая доброта. Решение, которое действительно помогает. Он поймал на себе взгляд Вершина и увидел в нем дружелюбную, чуть усталую улыбку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.